
**VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАУК
ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА И ВЫСТУПЛЕНИЯ
НА СИМПОЗИУМАХ**

С. А. АРУТЮНОВ

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
ТИХООКЕАНСКОГО БАССЕЙНА**

Удивительно по-разному сложились судьбы океанов нашей планеты. В особенности они различны у двух величайших и важнейших для истории человечества водных пространств — Атлантического и Тихого океанов.

Всю континентальную эйкумену можно представить себе в виде единого мирового материка. Если его разделить на западную и восточную половины, массив азиатской суши должен будет войти в обе. На суперконтинентальном уровне историк может рассматривать либо Афревразию, либо Амеравстралазию. Поставленные в предлагаемой статье проблемы относятся к этой последней общности.

В наши дни оживленнейшие морские пути пересекают Атлантический океан, но эта ситуация сложилась лишь в последние века. Конечно, нельзя исключать возможность единичных пересечений Атлантического океана и даже каких-то трансатлантических связей в доколумбовы и даже в донорманские времена, но такие связи представляются маловероятными и ничтожно малозначащими. Для древних и раннесредневековых времен очень верной догадкой оказывается античное представление об Атлантическом океане как о мировом океане, омывающем и ограничивающем всю эйкумену. Действительно, он образовывал тогда и западную (в Европе и Африке) и восточную (в Америке) границы обитаемого мира, те границы, за которые практически не было пути.

Совершенно иную роль играл в те времена Тихий океан. Вряд ли будет преувеличением назвать его внутренним морем Амеравстралязии; оно — в иных, разумеется, масштабах — играло для этого суперконтинента роль, сопоставимую с ролью средиземноморского бассейна в судьбах Афревразии.

Уже в верхнем палеолите мощные потоки людей и идей, материальных предметов культуры, языков и всего, что присуще людям и странствует с ними, растекались по побережьям Тихого океана, а несколько позже, но тоже давно, эти потоки захлестнули безграничные пространства его центральной части. Когда и как, откуда и куда шли эти потоки миграций, эти линии связей, что они несли с собой, каково было

их относительное значение — все это и составляет сложный узел проблем трансасиатических и циркумпашифических связей.

Крупнейшим относящимся сюда вопросом, затрагивающим один из самых древних этнических процессов, является вопрос о заселении Америки. Новейшие данные позволили значительно отодвинуть в глубь веков предположительную дату его начала, но не внесли какой-либо точности в ее определение. Однако центр тяжести проблемы находится не столько в дате первоначального проникновения человека в Новый Свет, сколько в характеристике дальнейшего хода начатого этим проникновением процесса. Не вызывает особых разногласий положение, что первоначальное проникновение человека в Америку происходило через район Берингова пролива. На вопрос о том, было ли оно единовременным, приводятся, казалось бы, убедительные доказательства, что все америнды являются потомками лишь одной небольшой первоначальной группы; с другой стороны, их лингвистическая дробность склоняет в пользу концепции о многократных волнах мигрантов. Оставалась ли однажды открытая дверь в Америку открытой во все последующее время, или же бывали моменты, когда на этом пути вновь возникали барьеры? Каково было соотношение внутриконтинентальных и прибрежных путей заселения? Каково было их хронологическое распределение? На все эти вопросы имеется бесчисленное множество гипотетических ответов, но окончательного решения проблемы нет.

Хронологически самой поздней в кругу проблем севернотихоокеанских связей является проблема времени и места происхождения эскимосов, путей их расселения и их соотношения с соседними этническими группами Азии и Америки. В ее решении помимо континентально-прибрежных связей мы должны будем затронуть и связи по водным пространствам океана, связи с его архипелагами. Для эскимосской проблемы это — Алеутские, Курильские и в значительной степени Японские острова; речь идет об уточнении времени этнических и культурных движений и, главное, об их преобладающем направлении, относительно которого имеются диаметрально противоположные концепции: из Азии в Америку или из Америки в Азию? с севера на юг? или с юга на север?

Но для этой сравнительно близко примыкающей к материк группы островов, включающей на севере Сахалин и Курилы, а на юге Японский архипелаг и Рюкю, эскимосская проблема — лишь последний и второстепенный штрих в картине их сложной этнической истории. На этих территориях, являющихся непосредственным океаническим продолжением материка, мы уже сейчас можем проследить напластования весьма различных и очень древних этнических компонентов.

Вопрос о самом древнем этапе этнической истории этих земель связан с проблемой, относящейся к юго-восточному массиву азиатской суши — индонезийско-филиппинскому. Это вопрос о том, как появились и в какой мере присутствовали на этой территории люди более древнего, чем современный, вида — архантропы и палеоантропы. Для Индонезии, благодаря находкам питекантропов и разнообразной палеолитической индустрии, этот вопрос с давних времен бесспорный, для Филиппин несколько более дискуссионный, а для рюкюско-японского массива, не говоря уже о более северных областях, — спорный в высшей степени. Но даже если мы примем в качестве рабочей гипотезы постулат, что архантропы имелись на всей этой территории (в те времена, очевидно, еще не островной, а материковой), то опять-таки для большинства этих стран остается в силе вопрос: какова была в дальнейшем судьба этих архантропов? Дело в том, что здесь почти

повсюду наблюдается, обобщенно говоря, значительный стратиграфический и типологический разрыв между нижнепалеолитическими и неолитическими индустриями. В равной мере не знаем мы здесь и находок представителей среднего этапа антропогенеза — палеоантропов или неандерталоидов. Вымерли ли палеоантропы островных окраин Восточной и Юго-Восточной Азии и в дальнейшем эти пространства заново заселялись — уже людьми современного вида¹, или между древнейшим населением и современным есть все же какая-то генетическая преемственность? Во всяком случае, что касается проблем палеолитической индустрии, то, отвлекаясь от недостатка палеоантропологического материала, можно считать бесспорным факт весьма значительного типологического своеобразия восточноазиатского палеолита, делающий неприменимыми здесь те типологическо-хронологические соответствия, которые были выработаны на европейском материале. В частности, вряд ли можно ждать здесь находок, типологически соответствующих мустьерским: скорее следует учитывать возможность весьма длительного переживания, вплоть до непосредственного перехода в неолит, форм индустрии, типологически весьма близких к нижнепалеолитическим. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, может пролить новый свет на так называемые нижнепалеолитические культуры Японии, а с другой стороны — на возможную генетическую связь культур индонезийско-филиппинской области.

Если, как мы видели, проблемы древнейших этапов истории общи для всего островного окаймления азиатского материка, то на несколько более поздних этапах, относящихся к тому времени, когда уже возможны какие-то сопоставления с ныне известными этническими группами, эти проблемы становятся различными. А именно: для юго-восточной части этого островного окаймления, т. е. для индонезийско-филиппинского массива, вряд ли можно сомневаться в австралоидной антропологической принадлежности первоначального населения. Вопросы расовой истории этого этапа (мезолит, ранний неолит) здесь сводятся к вопросам взаимоотношения, связи и последовательности более мелких таксономически единиц: веддоидов, папуасо-меланезоидов и негритосов. В частности, советские антропологи по последнему вопросу стоят на точке зрения сравнительно позднего, независимого, конвергентного формирования низкорослых типов в разных районах (на Андаманах, в Малайе, Филиппинах, Новой Гвинее). Далее, вряд ли можно сомневаться и в том, что все основные культурные влияния на этот островной мир Юго-Восточной Азии, все основные этнические миграции происходили прежде всего из непосредственно примыкающих континентальных районов Юго-Восточной Азии и лишь гораздо позже, в эпоху развитых цивилизаций, и в меньшей мере — из более западных, с одной стороны, и более северных, с другой, районов.

Иные вопросы ставит история рюкюско-японского островного массива. Во всей его этнической истории можно проследить и очень отчетливые связи с расположенными далеко южнее странами Юго-Восточной Азии, и несколько менее отчетливые связи с находящимися совсем рядом районами севера Восточной Азии. Таким образом, для понимания этнической истории Японии и истории ее культуры очень важно уточнить проблемы соотношения в ней северных и южных компонентов

¹ В советской науке такое предположение высказывалось М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым (см. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI, М., 1952, стр. 328).

(хотя с точки зрения японцев их правильнее было бы называть просто западными и юго-западными).

С разных позиций можно пытаться решать уже вопрос о происхождении древнейших мезолитических и раннеолитических культур Японии. Для несколько более поздних этапов японского неолита имеется палеоантропологический материал, но и его можно трактовать по-разному. Вопрос ставится так: были ли айноидные типы древнейшими на территории Японии? О самом происхождении этих типов тоже ведутся споры. Среди советских антропологов получила всеобщее признание концепция австралоидности айнов и, соответственно, их южного происхождения². Однако в мировой науке, в частности в самой Японии, все еще пользуется известным признанием концепция европеоидности айнов со всеми вытекающими отсюда сложностями для объяснения их проникновения на нынешние места их обитания³.

Далее, диагностически дифференцировать айноидные и монголоидные признаки на одном краниологическом материале, при отсутствии сведений о важнейших соматических признаках, довольно трудно. Поэтому до сих пор неясно время появления в Японии монголоидных и, в частности, широко представленных здесь южномонголоидных типов. Между тем этот последний вопрос выходит за пределы только японской этнической проблематики. Время, пути и характер распространения южномонголоидных типов на всей островной периферии Восточной и Юго-Восточной Азии должны определяться комплексно для всей этой территории. Тут мы подходим к кардинальнейшему вопросу культурной истории островов Тихого океана — к проблеме расселения аустронезийских народов.

Здесь перед нами встает целый комплекс неясных и спорных вопросов. Необходимо уточнить, в каком соотношении находятся различные группы аустронезийцев: индонезийцы, микронезийцы, полинезийцы и меланезийцы. Далее, в наше время среди народов этой лингвистической общности мы встречаем любые крайности и сочетания южномонголоидных и австралоидных признаков в их физическом типе.

Каким же образом складывались эти конкретные случаи несовпадения языков и расовых делений? Следует также выяснить, было ли распространение аустронезийских языков и южномонголоидных типов с материка на острова одновременным и связанным процессом, или же здесь имели место два независимых процесса, один из которых предшествовал другому. И, наконец, обязательный для историка вопрос времени и места: где именно на материке можем мы локализовать исходную точку этих процессов и каким временем их датировать.

Рассмотрим эти процессы несколько подробнее. Хотя в целом они развивались в пелагическом плане, у них есть определенный литоральный, а может быть, и континентальный аспект. Не исключено, что именно к кругу проблем аустронезийского расселения относится распространение народов по побережью Восточной Азии столь далеко на север, как полуостров Шаньдун и даже юг Кореи. С другой стороны, наряду с несколькими вариантами островных путей проникновения

² Эта концепция освещена в работах Л. Я. Штернберга, М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова, Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой. См.: Л. Я. Штернберг, Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933; М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, М., 1958 (там же обширная библиография).

³ Наиболее четко концепция европеоидности айнов была сформулирована Монтандоном. См. G. Montandon, Au Pays des Aïnou. Exploration Anthropologique, Paris, 1927; его же, La civilisation aïnou et les cultures arctiques, Paris, 1937.

аустронезийцев в Индонезию не исключен и литоральный путь по индокитайским побережьям и даже, как полагают некоторые (например, Ф. К. Коул)⁴, на каком-то отрезке — континентальный путь по долинам великих рек Юго-Восточной Азии.

Разумеется, появление аустронезийцев в Индонезии также не было единовременным. Здесь скорее всего было много волн, их скрещений, разветвлений, и важно определить их взаимосвязь и сущность происходивших при этом явлений. В частности, для более позднего времени одним из самых важных и наименее изученных является процесс, в результате которого сложились различия между так называемыми протомалайцами и дейтеромалайцами.

За недостатком места у нас нет возможности сформулировать даже основные проблемы того сложного комплекса исследований, который выделяется в особую народоведческую региональную дисциплину — океанистику (науку о населении Океании). Проблемы эти хорошо известны, и иногда к ним по преимуществу и сводится рассмотрение трансасиатических сюжетов. Здесь мы вынуждены ограничиться лишь упоминанием о тех моментах, которые выходят за пределы собственно Океании, в частности, подчеркнуть важность тесно связанного с изучением этнической истории соседних областей вопроса о существовании и распространении людей в Океании до проникновения сюда аустронезийских языков. Речь идет не только о древнейшем расселении океанийских негроидов из более западных областей. Это важная тема, и ее раскрытие в какой-то мере связано со смежными проблемами заселения Австралии, в особенности с проблемой прихода тасманийцев в Тасманию и их соотношения с населением Австралии, с одной стороны, Меланезии — с другой. Но речь идет также и о возможных связях с областями более восточными, а именно — с Америкой. И для весьма далеких, и для более поздних эпох нельзя отказать от постановки вопроса: в какой мере могло происходить заселение Океании из Америки⁵ или же, наоборот, — Америки из Океании⁶.

Решение этого вопроса, равно как и многих других неясных моментов в истории Океании, в наши дни опирается на значительно более прочную базу, чем немного лет назад, так как изучение истории Океании вступило в принципиально новый этап — этап широкого привлечения археологического материала, этап планомерных раскопок. В конечном счете лишь археологические материалы смогут сказать решающее слово о том, как происходило заселение Америки, был ли Берингов пролив единственным его путем или имелись еще другие, чисто океанические пути. В частности, именно к этим путям можно с наибольшей вероятностью приурочить проникновение в Америку тех темнопигментированных, волнистоволосых «австралоидных» типов, которые, несомненно, присутствуют среди многих групп аборигенного населения Центральной и Южной Америки и даже Калифорнии. Археологические материалы более четко, чем другие, могут также осветить возможные американо-индейские влияния на этническую историю и культуру океанийских народов и на сложное переплетение внутри-океанийских этнических, культурных, миграционных связей.

⁴ F. C. Cole, *The Peoples of Malaysia*, New York, 1945, стр. 6.

⁵ Направление, которому отдает предпочтение Т. Хейердал. См. Th. Heyerdahl, *American Indians in the Pacific*, London, 1952.

⁶ Проблема, впервые со всей остротой поставленная П. Риве. См. P. Rivet, *Les origines de l'homme americain*, Montréal, 1943.

При этом нужно помнить, что, в отличие от большинства перечисленных выше проблем, при рассмотрении процессов, происходивших в Океании, речь не обязательно идет о переселении крупных коллективов людей: при небольших размерах островов, первоначально необитаемых или малозаселенных, важные изменения могли вноситься проникновением даже экипажа одной случайной лодки. Гораздо большее значение по сравнению с переселением людей могло здесь иметь культурное влияние, передача идей и достижений.

В выяснении истории контактов такого рода первостепенное значение имеет сотрудничество специалистов разных дисциплин. В исследовании американо-океанических контактов этнографы, антропологи, археологи, лингвисты не могут обойтись без помощи квалифицированных специалистов по физической географии, климатологии, по ботанике и даже паразитологии. Только совместными усилиями можно решить, например, что в наборе культурных растений Океании связано с Америкой, а что с Азией, с какой эпохой и с каким маршрутом можно увязать распространение той или иной сельскохозяйственной культуры. Вопросы эти, впрочем, далеко выходят за рамки Океании. Достаточно сказать, что мы до сих пор еще не знаем с полной достоверностью, как, откуда и когда распространилась по свету кукуруза.

Для правильного решения некоторых из поставленных выше вопросов важно знать направление морских течений, чередование климатических изменений в различные исторические периоды и другие факты физической географии. Надо, однако, подчеркнуть, что исследователь, стоящий на позициях историзма, не может фетишизировать эти факторы. Существенное значение их бесспорно, но надо помнить, что мужество, предприимчивость и умение человека, сочетающиеся с исторически сложившимися условиями, побуждающими его действовать именно в определенном направлении, как правило, оказывались сильнее важнейших природных факторов и сил.

Возвращаясь к проблемам распространения в Тихоокеанском бассейне тех культурных явлений, которые не связаны с конкретными этническими общностями, а охватывали более широкие пространства, передаваясь от одной этнической общности к другой, мы затронем элемент культуры, не раз дававший повод к различным сопоставлениям весьма далеких этносов в рассматриваемых областях. Речь идет об орнаментальных мотивах. При всем разнообразии орнаментов, встречающихся на берегах и островах Тихого океана, не могут не броситься в глаза широко распространенные повсюду вариации сходных типов глазчато-криволинейного узора. Удивительно сходные мотивы и приемы можно встретить в самых разных местах и в разные эпохи — на чжоуской бронзе, у маори Новой Зеландии, в древнеберингоморской культуре эскимосов, в античной Центральной Америке и у глинкитов, в современной Новой Гвинее и в неолитической керамике Японии; как правило, подобные сходства рассматривались в отношении отдельно и произвольно взятых пар. Между тем надо было бы исследовать всю совокупность сходных явлений в целом. Может быть, такая орнаментальная общность объясняется сохранением элементов, присущих какому-то очень древнему слою, общему для всех обитающих здесь народов еще в ту далекую эпоху, когда из всех тихоокеанских стран человек населял только восточные и юго-восточные области азиатского континента. С другой стороны, можно видеть в этой общности результат несколько более позднего распространения специфических мотивов орнамента из единого центра. Вероятны и другие варианты реше-

ния этой проблемы, причем не обязательно один из них должен исключать все остальные.

Как сходный процесс, а может быть даже как позднейший этап в развитии единого длительного процесса можно рассматривать распространение на юго-восточных берегах Азии и близлежащих архипелагах культурного комплекса, наиболее известного по донгшонской культуре. Отголоски его довольно сильно ощущаются даже в Меланезии, и вряд ли можно связывать его распространение с каким-либо конкретным этносом. Однако изучение механизма и условий возникновения и распространения данного комплекса от этого не становится менее насущным. То же относится и к распространению мегалитических культур и культур погребальных урн, примерно в одно время охвативших большой ареал и, очевидно, разные этносы — от Приморья и Японии до Филиппин и Индонезии.

В непосредственно последовавшее за этим время, т. е. в первые века нашей эры, а особенно в эпоху средневековья, на морских пространствах Тихого океана начинает ощущаться влияние высокоразвитых цивилизаций, сложившихся в континентальных районах Южной и Восточной Азии. В тесном контакте с этими цивилизациями возникают близко сходные с ними цивилизации островных и приморских государств Японии, Индонезии и Индокитая. В какой-то мере влияние этих цивилизаций могло ощущаться и на островах, расположенных значительно восточнее в океане. Переносчиками таких влияний могли быть как невольные путешественники, например, унесенные бурей рыбаки, так и сознательно отправившиеся в дальнее странствие экипажи. Для изучения сравнительно поздних этапов культурной истории Тихоокеанского бассейна было бы очень полезно выяснить, в каких масштабах происходили те и другие контакты и какое значение они могли иметь для процессов культурного развития удаленных от азиатского континента районов.

Из этого далеко не полного перечня лишь самых основных проблем историко-культурных связей Тихоокеанского бассейна можно видеть сколь обширен их круг. Однако именно вследствие его обширности добиться научного разрешения этих проблем можно лишь при условии как можно более тесного взаимодействия между исследователями разных проблем, эпох, районов и между представителями разных дисциплин.

SUMMARY

In this paper, the Atlantic and the Pacific are compared from the point of view of the role they played in the history of the peopling of the world. The Atlantic Ocean — as it was correctly appraised by the ancients — was actually a blind barrier which until the 15th century confined man both from the west (in the Old World) and from the east (in the New World). The Pacific Ocean, on the contrary, was like a vast inland sea for the American-Australasian part of the world; in this respect its rôle may be compared, to a certain degree, to that played by the Mediterranean in the ethnic destinies of Afro-Eurasia.

The contacts traced in the paper are of two kinds. First, there were direct ethnic migrations which had an appreciable influence on and determined the ethnic history of the Pacific basin populations. Second, there were processes of cultural diffusion — conveyance of certain cultural elements unaccompanied by movements of the population on a correspondingly impressive scale. In both cases, the investigator has to date the beginning, culmination and termination of the above processes, and to trace the geographical routes along which they proceeded — i. e., he has to localize the processes of historical development in time and space.

Two variants may be distinguished among the Pacific ethnic ties: (1) littoral contacts—traffic by sea along the coastline; when developed to the maximum, these may be called circum-Pacific ties; (2) pelagic contacts which presume the crossing of the open sea; in their optimal variant, these amounted to trans-Pacific contacts.

The question of Pacific ties involves a multitude of problems: the problem of the peopling of America and the closely related problem of Oceanian-American contacts; all the problems of Oceanian studies (studies of the population of Oceania); the problems of the peopling and ethnic history of the insular border of the Continent of Asia, from the Bering Strait to Indonesia; a considerable portion of Australasian studies, etc., etc.

Of great importance in providing correct solutions for many of these problems is cooperation between historians and natural scientists—specialists in botany, zoology, geography, climatology. On the one hand, the spread of certain animal and plant species may be attributed to contacts between people and indicate the routes used by the latter. On the other hand, physical geography factors—winds, currents, etc.—to a certain extent may have determined contacts between people, inasmuch as they promoted or hampered them. It should be borne in mind, however, that the conditions of historical necessity generally called forth such human forces which ultimately overcame all natural barriers.

In view of the extensive scope of the problems of Pacific ethnic ties, an essential prerequisite for their successful solution is close and comprehensive cooperation of investigators specializing in different problems, periods and areas, and of scientists representing different branches of knowledge.